„Догматы церкви, — говорит Энгельс о том времени, — были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона“.[1] Блестящим подтверждением этой мысли выступает анализируемый нами памятник.

Послание Вассиана направлено против советников Ивана III, склонявших его к переговорам с ханом, к просьбам о мире, к продолжению покорности Орде, направлено и против самого Ивана III, его боязни начать генеральное сражение с татарами. Оно призывает великого князя к решительным действиям и ставит проблему борьбы с татарами в плане обязанности Ивана III перед церковью, перед христианской православной верой, перед всем народом, от имени которых автор выступает.

Но Послание раскрывается перед нами и в более широком плане, обнаруживая область идеологических течений того времени. Идеологическая же жизнь второй половины XV в. была гораздо богаче, чем ее изображают иногда. Характеризуя то время (и первую половину XVI в.), обычно выдвигают лишь два направления: „осифлянство“ и „нестяжательство“.[2] Нельзя, конечно, не признать эти направления существенно важными, но и сводить всю идеологию того времени к ним тоже нельзя.

Во второй половине XV в. более определенно выступали другие идеи, связанные непосредственно или косвенно с вопросом о независимости русского народа, с вопросом освобождения от татарского ига, в первую очередь, и с вопросом о создании единого централизованного государства, как необходимого условия этой независимости, этого освобождения. К ним можно отнести идею богоизбранности великокняжеской власти, идею — Москва — третий Рим, идею — Русь — новый Израиль (богоизбранность русского народа) и, наконец, непосредственно идею национальной независимости, идею, которая вынашивалась всем народом.

Уже пышный титул, данный Вассианом Ивану III в самом начале Послания, показывает нам, какими понятиями оперирует автор. Согласно этому титулу, высокий адресат является „богом венчанным и богом утверженным государем“, он выдвигается как государь, „во царях пресветлейший“, благочестивейший из всех, он — великий князь „всеа Русии“. Все три понятия эти подкрепляются текстом Послания, что показывает закономерность появления их в заглавном обращении.

Идея богоизбранности (лучше сказать богоустановленности) великокняжеской власти, генетически восходящая к библейским

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Соч., т. XVIII, стр. 128.

[2] И. И. Смирнов. „Беседа валаамских чудотворцев“ и ее место в русской публицистике XVI в. Ист. зап., 1945, № 15.